

A man and a young girl stand on a mossy rock, looking out over a city in ruins. The man, on the left, is seen from behind, wearing a dark jacket and a large, worn leather backpack. The girl, on the right, is also seen from behind, wearing a grey hoodie and brown boots, holding a small white object. The background shows a city with damaged buildings and a bright, hazy sunset sky with rays of light. The overall mood is somber yet hopeful.

*Александр Поворот
Реки*

*Алфавит
апокалипсиса:
школа в руинах*

Александр Поворот Реки

**Алфавит апокалипсиса:
школа в руинах**

«Автор»

2026

Поворот Реки А.

Алфавит апокалипсиса: школа в руинах / А. Поворот Реки —
«Автор», 2026

В мире, где споры сожрали разум, а слова стерты из памяти, чтение вслух стало смертельным оружием. Чтец. Он помнит всё, и это его главное проклятие. В новом Средневековье, где правят одичавшие «Мычащие» и жестокие вожди, он выживает, торгуя уцелевшими книгами и парализуя врагов ритмом человеческой речи. Но всё меняется в руинах старой библиотеки. Там Элиас находит две вещи, способные перевернуть мир: девочку, в глазах которой ещё теплится искра разума, и запечатанную в стекло книгу — «Фунгицидные протоколы». Это не святое писание и не молитва. Это инструкция по уничтожению плесени, захватившей Землю. Теперь за Элиасом началась охота. Безжалостный старейшина общины Тремор готов на всё, чтобы заполучить книгу и сохранить свою власть, построенную на наркотическом забвении. Ведь единственное, что может спасти этот мир от окончательной гибели, — это не химические формулы, а способность передать знание. Одно слово может убить. Одно слово может спасти. А алфавит способен изменить мир.

© Поворот Реки А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	10
Глава 4.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Поворот Реки

Алфавит апокалипсиса: школа в руинах

Глава 1.

Меня загоняли, как крысу.

Споры висели в воздухе густой взвесью, и даже сквозь мокрую тряпку, обмотанную вокруг лица, я чувствовал их сладковатый, тошнотворный привкус. Впереди, в тусклом свете гнилушек, мерцал провал подземного перехода — тупик? Или проход в старую дренажную систему? Я не успевал проверить. Сзади топали, дышали, рычали. Шестеро, может, семеро. Они шли за запахом бумаги. Говорят, Мычащие чуют книги за милю, как акулы чуют кровь.

Я забежал в темноту перехода, споткнулся о чью-то кость — человеческую, судя по длине, — и вжался спиной в сырой бетон. Рюкзак хрустнул, и этот звук эхом разнёсся под сводами. Там, внутри, моя валюта. Моя библиотека. Четыре уцелевших тома, завёрнутых в промасленную кожу. И ещё — книга, которой я пока не нашёл названия, но которую мне поручили добыть ценой, равной месяцу тепла.

Загонщики вошли в проём. Они не зажигали огня — плесень в их глазницах давно заменила зрение чем-то иным, инфракрасной чувствительностью, которую я, мутант иного толка, лишь смутно ощущал как покалывание в висках. Их кожа светилась бледно-зелёным — грибница проросла в эпидермис, сделала их единым организмом, коллективным разумом. Но разумом медленным, голодным, забывшим слова длиннее двух слогов.

— Дай-пей... — прохрипел первый, вытягивая руку. — Дай-пей, чтец.

Они всегда просят сначала «дай-пей». Не просто «дай». Это их ритуальная формула, обрывок какой-то древней молитвы или рекламного слогана, уцелевший в отравленных нейронах. Споры сожрали гиппокамп, выели синапсы, отвечающие за язык и абстракцию. Мычащие помнили, кто они, помнили имена своих родителей и первую любовь — но не могли сложить в голове алфавит. Не могли удержать в сознании идею, выходящую за рамки «еда-тепло-спаривание-настой». Они пили экстракт плесени, чтобы снять боль от того, что мир стал слишком сложным для их разрушенного разума.

Но читать они не умели. А я умел. Это делало меня либо божеством, либо добычей. Сейчас, судя по запаху пота и гнилых зубов, — добычей.

— Стоять, — сказал я и скинул рюкзак.

Они не остановились. Тогда я расстегнул клапан, сунул руку внутрь и вытащил первое, что попало, — потрёпанный томик в мягкой обложке. Хемингуэй. «Старик и море». Я раскрыл его наугад, чувствуя, как дрожат пальцы. Не от страха — от злости.

«Он был старый человек, который рыбачил один в Гольфстриме...»

Я читал вслух. Мой голос ударился о стены перехода, и Мычащие замерли. Первый, что тянул ко мне руку, застыл с открытым ртом. По его щеке поползла струйка слюны. Второй рухнул на колени. Третий завыл, но не угрожающе, а тоскливо, как пёс, которого погладили впервые за много лет.

Слова парализовали их. Не смыслом — они не понимали смысла. Сама звуковая волна, ритм, интонация проникали в их остаточный мозг и замыкали какие-то древние контуры, ещё не сожранные спорами. Я читал минуту, две, пять. Текст капал в тишину, как яд в воду. Когда я замолчал, все шестеро лежали ниц в наркотическом ступоре, из которого выйдут не раньше чем через час.

Я сплюнул на пол, вытер рот и пошёл дальше. Рюкзак снова за спиной. Хемингуэй в руке, палец зажат между страниц.

Меня зовут Элиас. Я помню. Это моё проклятие и мой капитал.

Три дня назад ко мне пришёл человек со шрамом через всю грудь — знак принадлежности к общине Тремора. В отличие от Мычащих, треморцы ещё дышали воздухом с низким содержанием спор, жили на возвышенности и культивировали в себе остатки человеческого. Их старейшина, Хрип, удерживал власть благодаря запасу противогрибковых корней и жестокому прагматизму. Человек со шрамом принёс плату вперёд: два тома, завёрнутые в вощёную бумагу. Я проверил: страницы чистые, не тронутые гнилью. Хорошая валюта.

— Хрип хочет Первую Книгу, — сказал он. — Ту, что с крестом. В бункере под старой библиотекой. Ты знаешь, где это.

Я знал. Библиотека лежала в руинах уже лет двадцать, с тех пор как плесень выжрала всю электронику, и мир скатился в новое Средневековье. Но бункер под ней, по слухам, уцелел.

— Зачем тебе Библия? — спросил я.

— Не моё дело. Моё — передать.

Я принял заказ. Не из жадности, хотя два тома — это две зимы тепла. Из любопытства. Любопытство — последнее, что отличает меня от Мычащих. Они живут инстинктами, я — вопросами.

Путь занял четверо суток. Я миновал кислотные болота, где из воды поднимались пузыри сероводорода, прошёл через лес из бетонных опор давно рухнувшего моста, отбил от дикого пса, чью шкуру не брал нож. В рюкзаке у меня лежали припасы: вяленое мясо, фляга с кипячёной водой и книги. Оружия не было — книги и были моим оружием. Когда я читал вслух, даже самые свирепые твари впадали в транс. Почему — я не знал. Возможно, ритм человеческой речи атаковал грибницу в их мозгу. А возможно, они просто тосковали по звуку, который слышали до того, как мир рухнул.

Библиотеку я нашёл на рассвете пятого дня. Купол обрушился, но подвал устоял. Спустившись по засыпанной щебнем лестнице, я оказался в темноте, пахнущей сухостью и временем. Фонарь из гнилушек выхватывал из мрака стеллажи, натянутые паутиной, и рассыпавшуюся в прах бумагу. Почти всё погибло. Но в дальнем углу я заметил стеклянный шкаф, заклеенный по швам чем-то вроде герметика. На полке внутри стояла банка с притёртой крышкой, а в банке — книга. Не та, что я искал.

Я разбил стекло. Запах, вырвавшийся наружу, был почти стерильным — так пахнет в лаборатории, которую законсервировали на вечность. Книга оказалась тонкой, в мягкой обложке, пожелтевшей, но неповреждённой. На титульном листе значилось: «Фунгицидные протоколы: сдерживание, дезинфекция, уничтожение спор».

Я сидел на бетонном полу и перелистывал страницы одну за другой. Медный купорос. Растворы щёлочи. Ультрафиолет с длиной волны 254 нанометра — что бы это ни значило, но тут была схема лампы, которую, судя по тексту, можно было собрать даже без электричества, используя химическую реакцию. Авторы этого документа знали, что мир рухнет. Знали и оставили инструкцию. И теперь она лежала у меня в руках, а я — единственный человек в радиусе тысячи миль, способный её прочесть.

За моей спиной послышался шорох. Я обернулся. В проёме лестницы стояла девочка лет десяти — худая, с колтуном волос и дикими от страха глазами. За её спиной мерцал свет гнилушек. Она не умела говорить — только тянула ко мне руку, открывая рот, и издавала тихое «а-а-а». Я не знал, как она сюда попала и одна ли она. Но я видел: она ещё не до конца стала Мычащей. В её глазах, за пеленой спорового опьянения, теплился проблеск разума. Того самого, который можно разжечь.

Я поднялся, держа в одной руке банку с книгой, а в другой — томик Хемингуэя, который так и не убрал в рюкзак.

— Иди за мной, — сказал я.

Она не поняла слов. Но интонация была понятна всем. Она шагнула в темноту.

Я возвращался к треморцам с грузом, который тяжелее любого камня. В рюкзаке лежало не Евангелие. Лежал шанс — возможно, единственный за последние пятьдесят лет. И теперь я должен был решить: обменять его на тепло и власть или подарить тем, кто ещё способен завтра проснуться и вспомнить, что значит быть человеком.

Глава 2.

Элиас сидит на корточках, разложив перед собой рюкзак. Игла из рыбьей кости ходит вверх-вниз, стягивая разошедшийся шов кожаными жилами. Движения точные, почти механические — так он успокаивает мысли. За спиной, в тени борта, сжавшись в комок, сидит девочка. Она молчит с того самого момента, как они покинули руины библиотеки. Ни звука, ни жеста. Только огромные серые глаза следят за каждым его движением с одинаковым нечитаемым выражением.

Элиас заканчивает шов, откусывает жилу и, не оборачиваясь, говорит в пространство:
— Вода.

Тишина.

Он оборачивается. Девочка смотрит на него.

— Во-да, — повторяет он отдельно, показывая на флягу. — То, что пьют. Без чегодохнут. Во-да.

Она моргает. В её взгляде что-то происходит — не понимание, а скорее тень узнавания, словно слово долетает до какого-то глубокого, почти умершего слоя сознания. Она открывает рот. Губы беззвучно шевелятся.

— Давай, — подталкивает Элиас. — Всего четыре буквы. Ты сможешь.

И она произносит. Хрипло, гортанно, как воронёнок, впервые пробующий голос:

— Ва-а...

Элиас почти улыбается.

— Почти. Вода.

Девочка смотрит на него и повторяет уже чище:

— Вода.

Мгновение они висят в этом крошечном триумфе. Затем Элиас кивает, протягивает ей флягу. Она пьёт — жадно, захлёбываясь, струйки текут по подбородку. Он отворачивается к костру. А когда оборачивается снова — она сидит в той же позе, и в глазах её ни следа узнавания. Фляга лежит между ними, пустая. Элиас щёлкает пальцами у её лица:

— Вода, — говорит он с нажимом. — Ты только что сказала «вода». Помнишь?

Ничего. Взгляд снова чист, как у новорождённого зверька.

Элиас откидывается на борт грузовика. Пальцы сами тянутся к пачке треморского настоя, защитой в пояс. Он не пьёт его — никогда не пил. Но носит с собой как напоминание, как символ того, насколько просто было бы сдать. Мысль, уже знакомая, скользит в голову плавно, словно нож в масло: «Зачем я мучаю себя и её? Грибница проела их всех до основания. Они уже не люди. Отдать протоколы Хрипу, получить плату — весь остаток жизни переводить книги, жечь страницы ради тепла и не думать ни о чём. Быть единственным грамотным среди стада — это ли не власть?»

Он смотрит на девочку. Она больше не сидит в комке — она тянется рукой к углям костерка с любопытством, от которого у него сводит челюсть. Суёт пальцы прямо в жар. Элиас бьёт её по руке — резко, не рассчитав силы. Девочка отдёргивает кисть, прижимает к груди, и в её глазах впервые за всё время что-то вспыхивает. Обида. Настоящая, человеческая обида.

Она не мычит. Она не «а-а-а» тянет. Она смотрит на него осмысленно, и на секунду Элиасу кажется, что она сейчас заплачет. Но нет — она просто отворачивается к борту и затихает.

Элиас смотрит на свою ладонь, которой ударил, и чувствует что-то, чему не хочет давать имени.

Элиас не спит. Он достаёт из банки «Фунгицидные протоколы» и раскладывает на коленях, подсвечивая самодельным жировиком. Страницы он листает медленно, с уважением, как листают священный текст. Формулы пляшут перед глазами: $\text{CuSO}_4 \cdot 5\text{H}_2\text{O}$, NaOH , УФ-С 254

ним. Многое непонятно, но главное он уже выхватил: рецепт примитивного фунгицида, который можно приготовить даже без лаборатории. Медь. Щёлочь. Жар.

Он доходит до конца, закрывает книгу и собирается уже убрать её в банку, как замечает на внутренней стороне задней обложки надпись. Раньше он её не видел: чернила выцвели почти до прозрачности, и только под косым светом жировика буквы проступают тенями.

«Не дай им умереть. Оставь это тем, кто придёт. Если ты читаешь это — ты последний. Только не будь последним».

Почерк неровный, женский или стариковский — не разобрать. Чернила кое-где размыты каплями. От воды или слёз — тоже не понять. Элиас сидит неподвижно, водит пальцем по строчкам и чувствует, как внутри что-то смещается, словно глыба бетона, десятилетиями лежавшая на одном месте, вдруг треснула.

Он смотрит на спящую девочку. Ей ничего не снится, как им всем: споры вытравили способность видеть сны. Но сейчас, в этом тусклом свете, она кажется просто ребёнком — не объектом эксперимента, не обузой, не доказательством чьего-то тезиса. Просто малявка, которая час назад пыталась сунуть пальцы в огонь и обиделась, когда её шлёпнули.

Элиас думает о матери — той, которой у него не было, но которую он помнит. Он помнит всё, в этом его проклятие. Помнит, как пахли её волосы, хотя никогда не прикасался к ним. Он помнит, как она говорила: «Читай, в этом твоё спасение». Он не знает, было ли это на самом деле или грибница в его мозгу сочинила воспоминание ради баланса. Но фраза эта — его единственная религия.

Их соединяет один и тот же глагол, понял он. Обе говорят об одном — о передаче. О том, что знание не имеет смысла, если оно заперто в одной голове.

Элиас закрывает книгу. Он не убирает её в банку. Он кладёт её поверх рюкзака, на виду, и кончиками пальцев касается спутанных волос девочки. Она не просыпается.

— Вода, — шёпотом говорит он. — Завтра снова. И послезавтра. И через год — если понадобится.

Он не даёт себе труда сформулировать выбор словами. Выбор уже сделан — в тот момент, когда его ладонь вздрогнула от её обиженного взгляда. Он не пойдёт к Хрипу. Он не продаст протоколы. Он останется здесь и будет учить её — и её, и любого, кто сможет запомнить букву «А» дольше, чем на час. Даже если это займёт всю оставшуюся жизнь. Даже если она снова всё забудет к утру.

Потому что где-то в глубине этой проклятой грибницы человек, написавший «Не дай им умереть», верил в него. А вера в этом мире — такая же редкость, как неповреждённая книга.

Рассвет наконец пробивает зелёную дымку. Элиас тушит жировик и смотрит, как небо меняет цвет с гнилостно-жёлтого на бледно-серый. Где-то вдалеке Мычащие затягивают утренний вой. Но здесь, в кузове грузовика, есть только тишина, девочка и книга, которую он никому не отдаст.

Глава 3.

Элиас спускался по пандусу долго. Каждый шаг отдавался в висках, и дело было не в усталости — он привык к маршам через кислотные пустоши. Дело было в грузе за спиной. Рюкзак с банкой внутри. Банка с книгой внутри. Книга со словами, способными перевернуть мир, который Хрип строил двадцать лет.

Девочка шла сзади, ступая почти бесшумно босыми ногами по холодному бетону. Она не знала, куда они идут. Она вообще мало что знала — её мир всё ещё умещался в несколько выученных за сутки слов и ощущение тепла от его плаща, когда ветер со спорами становился невыносимым. Но она чувала опасность кожей, и сейчас эта кожа покрылась мурашками.

У входа в зал их остановили. Двое охранников — крепкие, с ритуальными шрамами на груди — перегородили проход копьями. Элиас молча развёл руки, позволяя обыскать себя. Грубые ладони обшарили пояс, рюкзак, голенища самодельных сапог. Один из охранников вытащил из рюкзака банку.

— Открывай, — буркнул он.

— Там книга, — сказал Элиас. Голос звучал ровно.

— Открывай, чтец.

Элиас медленно открыл крышку, чувствуя, как сердце пропускает удар и замирает. Охранник заглянул внутрь — жёлтые от времени страницы, выцветшая обложка. Книга как книга. Не Библия, не чёрный переплёт с крестом, не то, что они ищут. Обычный мусор из Старого Мира, из тех, что чтец вечно таскает с собой. Охранник сплюнул на пол и кивнул: проходи.

Элиас завинтил крышку, убрал банку обратно в рюкзак, чувствуя, как дрожат пальцы. Девочка заметила. Он знал, что она заметила — она всегда замечала то, что не видели Мычащие. Но она промолчала. Уже тогда, в самом начале, она умела молчать, когда нужно.

Они вошли в зал.

Хрип ждал их, откинувшись в своём троне из гнилого поролона, проткнутого пружинами. Трубка в его горле подрагивала в такт дыханию, издавая тонкий присвист. Кожа старейшины, покрытая бляшками затвердевшей грибницы, блестела в свете жаровни, как панцирь доисторического животного. Глаза — мутные, но живые, цепкие — ощупали Элиаса с головы до ног. Он единственный в этом зале, не считая самого Элиаса, сохранил разум. Может, и Тень сохранила. Но Тень не говорила — она только смотрела.

— Элиас, — проскрежетал Хрип. Голос его рождался где-то глубоко в груди и проходил через металлическую трубку раньше, чем вырваться наружу, отчего слова звучали механически, словно говорила сама плесень, захватившая его гортань. — Ты вернулся. Я уже не ждал.

— И я не ждал, что вернусь, — ответил Элиас. Он остановился в десяти шагах от возвышения. Девочка замерла у входа, слившись с тенями, как она умела.

— Библиотека? Жива?

— Мертва. Купол рухнул. Большинство книг — труха.

— Но подвал, — проскрежетал Хрип, подаваясь вперёд. Пружины взвизгнули. — Подвал устоял. Скажи мне, что подвал устоял.

Элиас молчал ровно столько, чтобы пауза казалась естественной — раздумьем, а не подготовкой ко лжи. Он смотрел в глаза Хрипу. Он давно понял: ложь работает тогда, когда ты сам в неё почти веришь. Хрип не Мычащий. Хрип чует обман, как плесень чует влагу.

— Подвал устоял, — сказал Элиас. — Я спустился. Там было темно. Очень сухо — споры почти не добрались. Я обшарил все шкафы. Все полки. Всё, что могло уцелеть.

— И?

Элиас выдержал ещё одну паузу. Потом развёл руками — жест, который должен был означать бессилие, но на самом деле скрывал дрожь.

— И ничего. Бункер пуст. Первой Книги там нет. Плесень добралась раньше меня.

В зале стало тихо. Так тихо, что Элиас слышал, как жир капает с жаровни на угли, как дышит трубка в горле старейшины, как скрипят зубы одного из телохранителей — огромного, с бычьей шеей, покрытой шрамами.

Хрип молчал. Трубка в его горле издала долгий, сиплый звук — не то кашель, не то смех.

— Ты лжёшь, — сказал он без выражения, словно констатируя погоду.

Элиас не дрогнул.

— Зачем мне лгать? Ты платишь мне книги. Книги — единственное, что имеет ценность. Если бы Первая Книга была в том бункере, она уже лежала бы у твоих ног, а я требовал бы двойную плату.

Хрип медленно наклонил голову. Бляшки на его шее заскрежетали друг о друга. Он думал. Или делал вид, что думает. За двадцать лет власти он научился играть в эти игры не хуже Элиаса.

— Ты привёл кого-то, — проскрежетал он, и мутные глаза его переместились на девочку. — Кто это?

— Ребёнок. Нашла меня в руинах библиотеки. Выжила как-то. Не умеет говорить.

— Подойди, — приказал Хрип.

Девочка не шевельнулась. Она вжалась в тень ещё глубже, и Элиас почувствовал укол гордости пополам с тревогой. Она не понимала слов, но тон понимала отлично.

— Она глухая, — сказал Элиас. — И напугана.

— Я сказал: подойди.

Тень у стены шевельнулась впервые за всё время. Элиас перехватил её взгляд — она смотрела на девочку. Не на Элиаса. Не на Хрипа. На девочку. И в этом взгляде было что-то, чему он не мог дать названия. Не угроза. Скорее... узнавание? Как будто Тень увидела что-то, что давно считала похороненным.

— Тень, — проскрежетал Хрип. — Приведи её.

Тень не шевельнулась. Прошла секунда. Две. Три. Старейшина повернул голову к ней, и трубка в его горле издала резкий свист — признак раздражения.

— Я сказал: приведи.

— Она не опасна, — сказала Тень. Голос её был низким, хриплым, как у человека, который слишком долго молчал. — Она всего лишь ребёнок, Хрип.

Элиас моргнул. Тень никогда не оспаривала приказов старейшины. Никогда. За те годы, что он знал её, она была клинком — безмолвным, послушным, смертоносным. И сейчас этот клинок затупился за ребёнка, которого она видела впервые в жизни.

Хрип, казалось, тоже это заметил. Он медленно перевёл взгляд с Тени на девочку, потом на Элиаса. В его мутных глазах что-то щёлкнуло — какой-то внутренний механизм, подсчитывающий, оценивающий.

— Сделка есть сделка, — произнёс он наконец. — Ты сказал, что Первой Книги нет. Я не могу доказать обратное. Плата — твоя.

Он махнул рукой. Один из телохранителей вышел в боковой проход и вернулся с мешком. Не таким, как в прошлый раз — меньше, беднее. Элиас поймал мешок на лету, развязал тесёмки, заглянул внутрь. Два тома. Меньше, чем обещали. Плата за провал.

— Справедливо, — сказал Элиас, затягивая мешок.

— Справедливость не имеет значения, — проскрежетал Хрип. — Имеет значение только польза. Ты был полезен, Элиас. Но второй раз ты отсюда не выйдешь. Запомни это.

Элиас не ответил. Он закинул рюкзак за спину, повесил мешок на плечо и повернулся к выходу. Девочка выскользнула из тени и пошла за ним, шаг в шаг, как привязанная.

— Чтец, — окликнул его Хрип, когда он был уже у самого выхода.

Элиас обернулся.

— Если ты солгал мне, — проскрежетал старейшина, и в его голосе впервые прозвучало что-то почти человеческое — наслаждение, — я найду тебя. Я найду её. И вы оба умрёте так медленно, что ваши споры прорастут раньше, чем вы перестанете кричать.

Элиас встретил его взгляд. Он не отвёл глаз. Он думал о книге в банке. О формуле медного купороса. О том, что если всё получится — никакой Хрип больше не будет решать, кому жить и как медленно умирать.

— Я не солгал, — сказал он.

И вышел.

Ржавый воздух поверхности ударил в лицо, и Элиас вдохнул его как подарок. Девочка выбралась следом, моргая от тусклого света. Они поднялись на старую водонапорную башню, возвышавшуюся над поселением, и Элиас позволил себе присесть — впервые за последние часы.

Девочка села рядом и тихо спросила:

— По-че-му?

Второе осмысленное слово после «воды». Элиас смотрел на неё и не знал, что ответить. Объяснять политику Тремора, природу лжи, цену предательства старейшины? Она бы не поняла. Она помнила только то, что он сказал ей вчера, и то, что случилось сегодня.

— Потому что я решил тебя научить, — произнёс он наконец. — И ещё кого-нибудь. Там, — он махнул рукой в сторону гор, — есть школа. Сухая, чистая. Мы пойдём туда.

Девочка нахмурилась, но кивнула. Она не поняла слов, но поняла интонацию. Он не лгал ей — не здесь, не сейчас. И что-то в его голосе подсказало ей: он говорит правду.

Элиас встал, закинул рюкзак за спину. Вдалеке огни Тремора мерцали в дымке спор — жёлтые, неверные, как гнилушки на болоте. Там остался его единственный источник стабильного заработка. Его безопасность. Его безбедное, бессмысленное будущее.

Впереди лежали горы.

— Идём, — сказал он. — Учиться будем.

Ветер донёс снизу ритмичный вой — Мычащие где-то на краю посёлка начинали вечернюю церемонию. Девочка вздрогнула, но не остановилась. Она шагала за Элиасом в горы, в неизвестность, в будущее, которого никто из них пока не умел представить.

В рюкзаке за его спиной лежала банка с книгой, которую он теперь точно никому не продаст.

Ветер наверху был другим. Он не вонял гнилью, как в подземных залах Тремора, не был пропитан сладковатой пылью спор, от которой немеет язык. Здесь, на высоте тридцати метров над кислотными испарениями, он был почти чистым — колючим, холодным, пахнущим камнем и далёким снегом. Элиас стоял на бетонной площадке, опершись о ржавые перила, и смотрел вниз.

Тремор лежал под ним, как вскрытый труп. Ржавые листы железа, накрывающие подземные залы, тускло мерцали в свете гнилушек. От центральной жаровни поднимался столб жирного дыма. Вокруг ползали крошечные фигурки — Мычащие заканчивали дневные работы, таскали корзины с грибницей, волочили кого-то к яме за посёлком. Элиас не всматривался. Его мысли были заняты другим.

Он выдернул себя из лап Хрипа. Выдернул и девочку. Он знал, что ложь не продержится вечно — старейшина слишком умён, слишком подозрителен. Но сейчас у него было преимущество: Хрип не мог доказать, что книга существует. Хрип не мог знать, что Элиас нашёл не Первую Книгу, а нечто гораздо более опасное. Пока не мог.

Но знание этого не успокаивало. Элиас чувствовал, как внутри него разливается холодная пустота — та самая, что всегда приходит после большого решения. Он сделал выбор. Он

разорвал контракт. Он сжёг мост, который кормил его последние несколько лет. И ради чего? Ради девочки, которая два часа назад забыла слово «вода»? Ради формулы медного купороса, которую он, возможно, никогда не сможет применить в масштабах, нужных для спасения хоть кого-то?

Ради надписи на задней обложке, сделанной мёртвым человеком, который верил в него.

Элиас опустил на бетонный пол, привалившись спиной к ржавой стойке. Рюкзак он положил рядом с собой, банка внутри мягко звякнула о камень. Девочка стояла в нескольких шагах от него, у самого края площадки, и смотрела вниз с тем же нечитаемым выражением, что и всегда. Ветер трепал её колтун волос, рваный рукав куртки, перешитой из чужого плаща. Она казалась частью этого пейзажа — такой же обветренной, такой же молчаливой.

— Сядь, — сказал Элиас. — Упадёшь.

Она не обернулась. Но через секунду всё же отошла от перил и села рядом с ним, скрестив ноги, как ребёнок в школе, которую она никогда не видела. Её огромные серые глаза смотрели на него — не с вопросом, не с требованием, просто смотрели. Она ждала.

Элиас достал флягу, сделал глоток, протянул ей. Она взяла флягу двумя руками, выпила, вернула. Их пальцы соприкоснулись — его, грубые и холодные, и её, крошечные и ещё более холодные. Он заметил, что ногти у неё обломаны, а на костяшках ссадины. Откуда? Может, когда карабкалась за ним по руинам библиотеки. Может, раньше. Может, это вообще не важно.

— По-че-му? — спросила она.

Второе слово. После «воды» — «почему». Элиас закрыл глаза, прислонился затылком к холодному бетону. Вопрос был проще некуда, и ответить на него честно было почти невозможно. Почему он солгал? Почему не отдал книгу? Почему не остался в безопасности Тремора? Почему возится с ней, с этим полудиким ребёнком, который не помнит ничего дольше одного дня?

Он мог бы ответить сложно. Мог бы рассказать про надпись на обложке, про мёртвого библиотекаря, про медный купорос, про то, что Хрип — тиран, а знание должно быть свободным. Но это были слова, которые она не поймёт. Слова для него самого, не для неё.

Поэтому он ответил просто.

— Потому что я решил тебя научить.

Девочка нахмурилась. Её брови — тонкие, почти невидимые — сошлись к переносице. Она пыталась понять. Элиас видел, как работает её мозг: не быстро, но работает. Словно ржавый механизм, который не смазывали много лет, повернулся на один зубец.

— На-у-чить, — повторила она по слогам. Не вопрос — утверждение.

— Да. Научить читать. Как я.

Он потянулся к рюкзаку, расстегнул клапан. Банка блеснула в тусклом свете — стекло, непроницаемое для спор, вечное, как само время. Он не стал открывать её сейчас. Вместо этого он достал томик Хемингуэя, тот самый, с которым зачитывал Мычащих в подземном переходе. Потрёпанная обложка, мягкая, тёплая на ощупь от многих часов в его ладонях.

— Видишь это? — он показал на обложку. — Это буквы. Каждая имеет звук. Сложи их вместе — получится слово. Сложи слова вместе — получится история.

Девочка протянула руку и коснулась обложки. Её грязный палец провёл по тиснёным буквам. Она не понимала языка, но жест был верным. Она прикасалась к книге так, как касаются чего-то святого.

— Э-ли-ас, — сказала она вдруг, и он вздрогнул. Она смотрела на него и повторяла его имя — впервые за всё время, что они шли вместе. — Элиас.

Он не знал, когда она его выучила. Может, слышала от Хрипа. Может, просто запомнила, как звучит его имя, когда он сам его произносил. В любом случае — это было третье слово. Имя. Его имя.

— Да, — сказал он, и что-то в его груди сжалось. — Я — Элиас. А ты? У тебя есть имя?

Она покачала головой. Медленно, неуверенно, но осмысленно. Она понимала вопрос.
— Тогда я дам тебе имя, — сказал он. — Ты не против?

Она снова покачала головой — на этот раз в другую сторону. Согласие.

Элиас задумался. Имена в этом мире ничего не значили — Мычащие обходились кличками, которые забывали вместе с прошлым годом. Но для него имена имели значение. Каждое имя, которое он знал, было вычитано из книги, а каждая книга была сокровищем.

— Кара, — сказал он наконец. — Будешь Карой.

Она попробовала слово на вкус. Губы шевельнулись, язык нашёл нёбо.

— Ка-ра.

— Да. Кара.

Она кивнула — на этот раз быстро, почти энергично. Ему показалось или в её глазах что-то мелькнуло? Не улыбка — улыбаться она, кажется, не умела. Но что-то похожее на удовлетворение. Как у зверька, который нашёл тёплую нору после долгой зимы.

— Кара, — повторила она ещё раз, будто закрепляя. — Элиас. Кара.

Она указала пальцем на него, потом на себя. Он кивнул. Она замолчала, но молчание это было другим — не пустым, а наполненным. Она усвоила что-то новое. Что-то, что не забудется к утру.

Элиас поднялся, подошёл к перилам. Огни Тремора внизу начали гаснуть — ритуал отхода ко сну, подчиняющийся циркадным ритмам, которые даже плесень не смогла вытравить из человеческой физиологии. Завтра они проснутся, выпьют свой настой, забудут этот день. За Хрипа. За стабильность. За сладкое забвение.

Он посмотрел на восток. Горы темнели на горизонте — старые, мёртвые, но обещающие сухость и чистый воздух. Где-то там, если верить картам из его рюкзака, стояла школа — длинное бетонное здание с плоской крышей, построенное ещё до Плесени. Он видел его однажды, много лет назад, когда только начинал свои скитания. Тогда школа была пуста. Сейчас она могла быть занята Мычащими, или разобрана на материалы, или разрушена кислотными дождями. Но это был шанс. Единственный шанс.

— Там, — сказал он, указывая на горы, — есть школа. Сухая, чистая. Мы пойдём туда. Будем учиться.

Кара подошла к нему, встала рядом, проследила за его пальцем. Она видела только синие тени на горизонте. Она не знала, что такое школа. Но она кивнула.

— У-чить-ся, — произнесла она по слогам новое слово.

— Да, — сказал Элиас. — Учиться. Ты, я... может, ещё кто-нибудь. Кто захочет.

Он подумал о том, что это звучит наивно. О том, что Хрип, скорее всего, уже завтра начнёт охоту. О том, что Тень, видевшая Кару, не просто так заступилась за неё — у всего в мире Тремора была цена, и этот долг рано или поздно предъявят. О том, что еды у них на три дня, воды — на два, а до школы идти неделю через кислотные болота и территории, где Мычащие поклоняются собственным богам, ещё более жестоким, чем Хрип.

Но всё это было потом. Сейчас было только «сейчас»: ветер с гор, девочка с новым именем, книга в рюкзаке и странное, почти забытое чувство, которое он опознал не сразу.

Надежда.

Он не верил в неё. Он вообще давно ни во что не верил — кроме силы прочитанного слова и веса бумаги в руке. Но сейчас, стоя на ржавой башне над гниющим миром, он чувствовал, как в груди, там, где обычно жил только холод, разгорается крошечный уголёк. Он не был горячим. Он был едва тёплым. Но он был.

— Идём, — сказал Элиас. — Ночь холодная, спускаться опасно, но у подножия холма есть пещера. Переночуем там, а на рассвете двинем в горы.

Кара подобрала мешок с книгами — он был тяжеловат для неё, но она упрямо взвалила его на плечо. Элиас забрал мешок у неё, не говоря ни слова, и повесил поверх рюкзака. Она не протестовала.

Они начали спускаться по ржавой лестнице водонапорной башни — ступени скрежетали под ногами, крошась рыжей пылью. Где-то внизу, в темноте, завыл одинокий Мычащий, и ему ответил другой — ритуальный обмен звуками, лишённый смысла, но полный тоски.

Кара на мгновение замерла, но Элиас взял её за руку. Впервые — просто взял и повёл за собой, не подталкивая, не командуя. Она сжала его пальцы — не сильно, но достаточно, чтобы он почувствовал. Они спустились в темноту вместе.

За их спинами огни Тремора угасли один за другим. Впереди лежал долгий путь в горы.

В рюкзаке за спиной Элиаса, завёрнутая в промасленную кожу и запечатанная в стеклянную банку, лежала книга, которая была не Первой, не святой, не божественной. Она была лучше. Она была инструкцией. И он собирался прочесть её миру — даже если этот мир пока состоял всего из одного ребёнка, который только что выучил своё имя.

Глава 4.

Они добрались до школы на исходе пятого дня.

Элиас помнил этот маршрут по обрывкам старых карт и собственным воспоминаниям десятилетней давности. Тогда он проходил здесь один, когда был моложе, ещё не до конца уверенный в своей мутации, и школа показалась ему склепом — пустым, холодным, продуваемым сквозняками. Он не задержался в ней. Теперь, когда он стоял перед ржавыми воротами с Карой за спиной, здание выглядело иначе: не склеп, а крепость.

Бетонная коробка в три этажа, вросшая в склон горы. Крыша цела — он видел это ещё с нижнего перевала. Окна первого этажа заколочены ржавыми листами, от ветра. Никаких следов Мычащих: ни костей у порога, ни спор на стенах, ни характерного сладковатого запаха гниющей грибницы. Слишком высоко для них. Слишком сухо.

— Здесь, — сказал Элиас, сбрасывая рюкзак на каменистую землю. — Здесь будем жить.

Кара стояла поодаль, тяжело дыша после подъёма. Её босые ноги покрылись царапинами и ссадинами, но она ни разу не пожаловалась за все пять дней. Ни разу не захныкала, не села на землю, отказываясь идти. Она просто шла за ним, как привязанная нитью, которую он сам ещё не до конца понимал.

— Шко-ла? — спросила она хрипло. Ещё одно новое слово. Он произносил его в пути, рассказывая, куда они идут. Она запомнила.

— Да. Школа. Раньше сюда приходили дети и учились читать.

— Как я.

— Как ты.

Кара долго смотрела на серый фасад, задрав голову. На её лице ничего не отражалось — обычное нечитаемое выражение, к которому Элиас уже начал привыкать. Но что-то в том, как она разглядывала выбитые окна, подсказало ему: она пытается представить. Детей. Книги. Учителей. Мир, в котором это было возможно.

Они вошли внутрь.

Вестибюль встретил их запахом сухой пыли и старого бетона. Никакой гнили. Никакой плесени. Элиас стоял посреди пустого холла, вдыхал этот почти стерильный воздух и чувствовал, как спадает напряжение, которое он носил в плечах последние несколько лет.

— Идём, — сказал он. — Найдём место получше.

Бывший кабинет биологии располагался на втором этаже, в глубине здания. Окна здесь выходили на горный склон, а не на открытое пространство, и большая их часть уцелела. Вдоль стен тянулись железные шкафы с остатками стеклянных колб, в углу стоял учительский стол из тёмного дерева, покрытый слоем пыли в палец толщиной. На стене висел выцветший плакат: улыбающаяся девочка держала букву «А», под ней — слово «Аист». Кара замерла перед плакатом, коснувшись бумаги кончиками пальцев.

— Аист, — прочитал Элиас. — Птица такая.

— Аист, — повторила она без интонации, просто фиксируя звук.

— Завтра начнём, — сказал он. — Сейчас — спать.

Обустройство заняло два дня. Элиас таскал воду из горного ручья за полмили от школы, наполняя старую цистерну на крыше — она оказалась цела, и дождевые стоки всё ещё работали. Кара собирала сухой мох и лишайник на склонах, стаскивала в кабинет всё, что могло сойти за подстилку. Элиас разобрал рюкзак: книги одну за другой расставил на полках железного шкафа. Четыре тома Брэдбери, Хемингуэй, пара справочников, старый атлас автомобильных дорог. Отдельно, на учительском столе, как алтарь, стояла банка с «Фунгицидными протоколами». Он не открывал её с тех пор, как покинул Тремор. Не было нужды. Но само её присутствие грело что-то в нём — как уголёк, который не разгорается, но и не гаснет.

На третий день началось обучение.

Элиас выломал кусок старой классной доски из соседнего кабинета — деревянную, ещё не до конца источенную временем. Углём из прогоревшего костерка он нарисовал первую букву.

— «А», — сказал он.

Кара сидела напротив на полу, скрестив ноги. Её огромные серые глаза следили за каждым его движением. Она повторила:

— А.

— Хорошо. Теперь «Б».

Он нарисовал вторую букву. Кара наморщила лоб, губы её беззвучно зашевелились, прежде чем она выдавила:

— Б.

— Правильно. Теперь «В».

К шестой букве она путалась. К девятой начинала злиться — не на него, на себя. Её пальцы сжимались в кулаки, она закрывала глаза, словно пытаясь выжечь ошибку изнутри. Элиас не торопил. Он помнил, как учился сам: не в школе, не по букварю, а по старым вывескам и заголовкам газет, которые находила мать — это он помнил до мельчайших деталей.

— Не спеши, — говорил он. — Буквы никуда не убегут. Они ждали тебя здесь двадцать лет. Подождут ещё пару часов.

Кара кивала и возвращалась к букве. Снова. И снова. И снова.

На следующий день она узнала букву «А» на плакате с аистом без подсказки. Показала пальцем, повернулась к Элиасу, и в её глазах он увидел то, чего не видел никогда прежде. Не радость — слишком сильное слово для её почти неподвижного лица. Но что-то похожее на утоление голода. Так смотрит человек, который много лет пил воду с горьким привкусом спор и вдруг почувствовал чистый родник.

— Аист, — сказала она.

— Верно, — Элиас почувствовал, как сам уголок его губ дёрнулся вверх — давно забытое движение. — Аист начинается с «А».

На третий день он дал ей карандаш. Настоящий, жёлтый, наполовину сточенный, найденный в ящике учительского стола под грудой высохших мышинных костей. Кара взяла его так, словно это была драгоценность — двумя руками, осторожно, затаив дыхание.

— Пиши, — сказал Элиас и пододвинул к ней чистый лист бумаги, вырванный из старого журнала.

Она прижала карандаш к бумаге. Рука дрожала. Линия пошла кривая, ломаная, но это была «А» — самая первая, самая настоящая буква, рождённая её собственной рукой. Кара посмотрела на Элиаса. Он кивнул.

— Ещё.

Она написала «Б». Потом «В». К вечеру она вывела всё слово — «ВОДА». Кривое, прыгающее, но читаемое. Элиас взял лист, поднёс к свету и долго смотрел на него.

— Теперь ты умеешь два дела, — сказал он. — Помнить и писать.

— И читать, — добавила она. — Как ты.

— Почти. Но это уже начало.

Вечерами они поднимались на крышу. Плоская бетонная поверхность, огороженная низким парапетом, была их убежищем в убежище. Здесь Элиас разводил крошечный костерок в старой жестяной банке, и они сидели рядом, глядя на горы, тонущие в сиреневых сумерках. Ветер здесь был чистым, почти стерильным, без единой споры. Кара дышала им полной грудью, и Элиас замечал, как меняется её лицо: серость отступает, губы розовеют, взгляд становится острее.

Однажды вечером он достал томик Хемингуэя. Не для защиты, не для транса — просто чтобы читать. Он открыл наугад и начал:

— «Он был старый человек, который рыбачил один в Гольфстриме, и вот уже восемьдесят четыре дня он не поймал ни одной рыбы».

Кара не понимала слов. Она вообще почти ничего не понимала из прочитанного. Но ритм — ритм она чувствовала. Её голова медленно клонилась набок, веки тяжелели, но она боролась со сном, чтобы слушать дальше.

— Рыба, — прошептала она, когда он сделал паузу. — Рыба — это...

— Еда. Животное в воде.

— Как аист?

— Аист — птица. Он ест рыбу.

— Аист ест рыбу, — повторила она, и это была почти законченная мысль. Почти предложение.

Элиас читал, пока костерок не начал затухать. Когда он замолчал, Кара уже спала — голова её лежала у него на колене, дыхание было ровным и глубоким. Он сидел неподвижно, боясь разбудить её. Боялся — и это было странно. Он, который не боялся ни Мычащих, ни Хрипа, ни кислотных болот, ни самой плесени, проникшей в его мозг, — он боялся потревожить сон ребёнка.

Он просидел так до рассвета.

Утром, когда солнце бледными пальцами просочилось сквозь пыльные окна, Элиас посмотрел на Кару, спящую на подстилке из мха, на её обветренное лицо, ставшее чуть менее чужим, и достал банку с «Протоколами». Пора было решаться.

Он знал, что нельзя просто хранить эту книгу. Она не была предметом коллекции. Она не была валютой, которую можно обменять на тепло. Она была инструкцией. А инструкции существуют для того, чтобы ими пользоваться.

Первый шаг — медный купорос. Формула, которую он уже выучил наизусть: $\text{CuSO}_4 \cdot 5\text{H}_2\text{O}$. Голубые кристаллы, растворимые в воде. В старом мире им травили вредителей. В новом он мог стать оружием против того, что сожрало всю память Земли.

Элиас развернул карту промышленной зоны — ту самую, что нашёл среди атласов. Склады у подножия гор. Опасная низина, где споры висели плотным облаком. Дорога туда займёт два дня, может, три. Придётся спускаться с гор, возвращаться в кислотный туман.

Он сидел над картой, когда Кара проснулась и подошла к столу. Молча посмотрела на разложенные бумаги, на банку, на его лицо.

— Ты уходишь, — сказала она. Не спросила — констатировала. Её речь становилась всё более связной с каждым днём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.